

ЛИЛИЯ РОМАНОВА

ОКНА
ДЛЯ ДВОИХ

Лилия Романова

Окна для двоих

«Автор»

2026

Романова Л.

Окна для двоих / Л. Романова — «Автор», 2026

Луиза Арден умеет возвращать свет старому стеклу. Гораздо труднее понять заказчицу, которая просит убрать фату со своего свадебного портрета: ей надоело сорок семь лет оставаться юной невестой. Сын заказчицы Мартен уже готовит юбилейную выставку. Он уверен, что лучший подарок — сохранить все как было. Луиза берется восстановить разбитое панно и впервые за много лет решается показать собственную работу. Но рядом с Мартеном ей хочется большего, чем удачного заказа. Когда его забота оборачивается решением, принятым за нее, Луизе предстоит выбрать: снова уступить место чужому замыслу или рискнуть своей первой выставкой и только начинающейся любовью.

© Романова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не та женщина в окне	5
Глава 2. Чужой праздник	8
Глава 3. Цена оттенка	11
Глава 4. Свет после дождя	14
Глава 5. Открытая ставня	17
Глава 6. Дорога в Риден	20
Глава 7. Стекло, которое помнит только свет	23
Глава 8. Не по расписанию	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лилия Романова

Окна для двоих

Глава 1. Не та женщина в окне

Женщина принесла в мастерскую собственный локоть.

Луиза поняла это не сразу. Сначала она увидела плоскую коробку, завернутую в серый платок, и две руки в перчатках, которые держали ее с такой осторожностью, словно внутри лежал маленький испуганный зверек. Потом посетительница отогнула ткань. На темно-синем бархате оказался кусок стекла размером с ладонь. Через него проходила золотистая линия, а у нижнего края начинался прозрачный рукав.

— Это я, — сказала женщина. — Вот здесь локоть. А это, если смотреть против света, браслет.

На рабочем столе Луизы лежала незаконченная дверца хлебной лавки: семь прозрачных прямоугольников, один янтарный и нарисованный углем колос. Хозяйка хотела, чтобы прохожим казалось тепло еще до того, как они войдут. Луиза вчера пыталась объяснить, что тепло будет зависеть и от того, насколько чисто стекло. Хозяйка обещала мыть его сама, а потом прислала мальчика спросить, нельзя ли сделать так, чтобы оно не пачкалось.

Луиза не умела делать непачкающиеся окна. Зато умела чинить то, что люди долго считали безнадежным. К ней несли дверцы, ширмы, небольшие портреты и старые светильники. Иногда приносили только металлический край и воспоминание о цвете. В таких случаях она говорила, что память заказчика — хорошее начало разговора, но плохая мера для готового стекла. Люди не всегда радовались.

Эта посетительница, напротив, не требовала чуда. Она сначала спросила, можно ли поставить коробку на стол, и только потом развязала узел. Луизе понравилась такая осторожность. Не с вещью даже — с чужим временем.

Луиза отложила стеклорез на деревянную подставку. Не на край стола, где он обычно оказывался к полудню, а подальше: чужие вещи нельзя было принимать над собственным беспорядком.

— Позвольте?

— Для того и принесла.

Она подняла осколок за два целых края. Утренний свет лег на стекло, и золотистая линия стала медной. По рукаву прошла мягкая зеленоватая тень. Хорошая работа. Не краситель поверх прозрачной основы, а цвет, прошедший всю толщину. Луиза осторожно повернула осколок и увидела на обратной стороне мелкую, почти незаметную волну.

— Старый риденский лист. Давно сделан?

— Сорок семь лет назад.

— Тогда это не просто старый. Такую волну сейчас редко оставляют.

Посетительница сняла перчатки. На правой руке у нее было широкое обручальное кольцо, на левой — чернильное пятнышко возле ногтя.

— А я думала, вы первым делом скажете, что разбить такое — преступление.

— Я не знаю, как оно разбилось.

— Хороший ответ. Меня зовут Грета Сарвель.

Луиза назвала себя и предложила стул. Грета села, поставила сумку у ноги и только тогда огляделась. В мастерской было на что смотреть: разноцветные прямоугольники на полках, два металлических переплета, круглая рама, еще не собранная до конца, и высохшая ветка рябины

в бутылке. Луиза держала ее не для украшения. Красные ягоды помогали ей замечать, когда осенний свет начинает уходить в синеву.

За перегородкой скрипнула ножка табурета.

— Брида, — позвала Луиза, — подай, пожалуйста, чистый лист.

Ученица вышла с бумагой и, увидев осколок, невольно остановилась.

— Какой теплый.

— Он холодный, — сказала Грета.

— Я про свет.

— Тогда да. В тот день было очень тепло.

Брида положила бумагу на свободную часть стола. Луиза обвела осколок, отметила края, где сохранилась оправа, и вернула его на бархат.

— Само окно большое?

— Выше меня. Не церковное, не во всю стену. Я стою слева, муж справа. Между нами закрытая створка.

— Закрытая?

— Так придумал художник. Семья как дом, который бережет свое. Тогда мне это казалось прекрасным.

— А теперь?

Грета посмотрела на свои руки.

— Теперь я хотела бы открыть окно.

Луиза ждала продолжения. Обычно люди не приходили с одним осколком, если речь шла только о ремонте. Они приносили рисунок, размеры, записку от управляющего. Или сразу начинали торговаться. Грета ничего этого не делала.

— Вы можете убрать покрывало? — спросила она.

— С портрета?

— Да. Оно над головой и спускается к плечу. Вот этот рукав из-под него. И лицо... Нет, лицо сначала оставим. Скажите про покрывало.

— Изменить изображение можно. Но это будет другая работа.

— Более дорогая?

— Не только. Восстановить сломанное и переделать целое — не одно и то же. Если это семейная вещь, нужно понимать, кто принимает решение.

— Я принимаю решение о своем лице.

Сказано было негромко. Не сердито, но так, что Брида, собиравшаяся вернуться за перегородку, замедлила шаг.

Луиза накрыла коробку платком лишь наполовину.

— Конечно. Но стекло принадлежит вам одной?

— Нам с мужем.

— Он знает, что вы хотите изменить портрет?

Грета вздохнула.

— Он знает, что я им недовольна. Это разные вещи, правда?

— Часто разные.

— Вы слишком хорошо отвечаете для человека, которого я собиралась уговорить.

Грета улыбнулась быстро и лукаво, вдруг увидев смешное в собственной предусмотрительности.

— Я не буду тайком вынимать кусок из вашего окна, — сказала Луиза. — И не стану обещать, что никто не заметит.

— А если заметят и скажут, что это я испортила?

— Тогда лучше, чтобы до работы все знали, что именно вы хотите.

— Все — это опасное слово. Когда собирается вся наша семья, мое желание к концу ужина обычно превращается в общее поздравление.

Луиза подвинула к ней чашку с чистой водой. Чайник стоял на печи, но предлагать чай значило соглашаться на долгий разговор, а сейчас ей хотелось сначала разобраться в заказе.

Грета выпила два глотка.

— Мне семьдесят, госпожа Арден. Я не прошу убрать морщины. Наоборот. На этом стекле у меня лицо девочки, которая еще не знает, что умеет спорить. Я прожила с Рудольфом хорошую жизнь. Не без сердитых дней, разумеется. Но хорошую. А на стене все еще стою, сложив руки, и жду, пока он откроет дверь.

— Вы говорили, там окно.

— Да. Видите? Даже я уже говорю о нем как о двери, через которую меня должны впустить.

Луиза посмотрела на золотую линию браслета. Сколько раз она восстанавливала лица, не задавая себе вопроса, нравится ли человеку быть именно таким? На старых панелях изображенные давно ничего не могли попросить. Живые обычно просили сделать их красивее.

Эта женщина принесла ей свой локоть и хотела вернуть себе возраст.

С улицы слышались тяжелые шаги. Дверь отворилась, зазвенел узкий стеклянный язычок над косяком. Мужчина в темно-коричневом дорожном пальто остановился на пороге, увидел Грету и прикрыл глаза.

— Мама.

— Я знала, что ты меня найдешь.

— Ты оставила коробку от стекла в прихожей.

— Значит, я еще и помогла.

Он снял шляпу. Темные волосы у висков чуть посветлели, переносица была обветрена, а на одном пальце виднелся след синей веревки. Луиза заметила это раньше, чем приятное лицо. Так выглядели руки человека, который не только расписывал перевозку на бумаге.

— Простите, — сказал он ей. — Мартен Сарвель. Я должен был сам привезти образец и поговорить о заказе.

— Мы уже поговорили, — сообщила Грета.

Мартен посмотрел на открытую коробку.

— Мне нужен осмотр всей панели. Рама цела, повреждены три участка снизу. До открытия семь недель. Перевозку мы обеспечим, у меня есть люди, которые...

— До какого открытия? — спросила Луиза.

Он замолчал.

Грета подняла глаза на сына, но ничего не сказала.

— Юбилейная выставка в Галерее живого света, — произнес Мартен. — «Утро Сарвелей» будет центральной работой малого зала. Я думал, мама объяснила.

— Ваша мать просила изменить изображение.

Пальцы Мартена сжались на полях шляпы.

— Изменить?

— Убрать покрывало, — сказала Грета. — Пока мы дошли только до покрывала.

Он сел не сразу. Сначала посмотрел на пустой стул, словно пытался вспомнить, для чего тот предназначен. Потом осторожно положил шляпу себе на колени.

— Мама, это же наша семейная вещь.

— Именно, Мартен. Наша. И я в этой семье еще жива.

Глава 2. Чужой праздник

Дом Сарвелей стоял на улице Верхних вязов, где тротуары были шире, чем требовалось двум встречным прохожим, а осенью дворники подметали едва успевшие упасть листья. Луиза пришла туда на следующий день с плоским футляром, рулоном бумаги и деревянным угольником. Мартен ждал у калитки.

— Я мог бы прислать экипаж, — сказал он, увидев футляр.

— Здесь десять минут ходьбы.

— С инструментами.

— Они привыкли.

Он протянул руку, предлагая взять рулон. Луиза отдала. Рулон было неудобно нести под мышкой, и отказываться только ради доказательства самостоятельности она не собиралась.

— Мама на кухне, — сказал Мартен. — Отец в комнате с окном.

— Панель установлена в стене?

— Нет. Отдельная рама перед настоящим окном. Так свет проходит через нее в течение дня.

— Тогда уже проще.

— Вы имеете в виду ремонт?

— Я пока имею в виду осмотр.

Он улыбнулся одним уголком рта. Кажется, привык, что другие люди обещают ему больше.

В доме пахло нагретым деревом и яблочной кожурой. У лестницы висела большая карта торговых путей; на ней были не флажки, как Луиза ожидала, а маленькие рисунки домов. Возле одного дома кто-то пририсовал собаку.

Мартен проследил за ее взглядом.

— Рина в детстве решила, что город без собаки нельзя считать настоящим.

— Рина?

— Моя дочь.

Луиза кивнула и пошла за ним в гостиную.

Первым она увидела не витраж, а Рудольфа Сарвеля. Он стоял на невысокой подставке и пытался поправить верхний крючок портьеры. Седой, широкоплечий, в домашней жилетке, он держал в зубах короткую полоску ткани.

— Отец, — сказал Мартен тем же голосом, каким накануне произнес «мама».

Рудольф снял ткань с губ.

— Я не упал.

— Я вижу.

— И не собирался.

Мартен молча придержал подставку. Отец поправил крючок, спустился, отряхнул ладони и поклонился Луизе.

— Слышал, вы не согласились сразу сделать Грету счастливой.

— Я согласилась посмотреть окно.

— Разумная женщина. В нашей семье вам будет непросто.

Он сказал это весело, без попытки пожаловаться на жену. Луиза почувствовала облегчение. Она уже приготовилась услышать историю о капризах, которую пришлось бы выслушивать из вежливости, а потом отделять от самого заказа.

Рудольф отступил в сторону.

Панель оказалась прекрасной.

Не удобной, не просто искусно выполненной — прекрасной той редкой цельностью, которая сразу заставляла замолчать. Грета стояла у закрытого окна в светлом платье, положив ладони на подоконник. Рудольф, еще темноволосый, повернулся к ней вполборота. В стекле за его плечом было поймано раннее утро, не золотое, а почти белое, и от этого лица казались не застывшими, а только что повернувшимися друг к другу.

Луиза приблизилась.

Снизу, возле руки Греты, шла широкая трещина. Два маленьких фрагмента отсутствовали, третий был заменен картоном. Металл оправы чуть выгнулся внутрь.

— Как переносили?

Мартен показал на след на паркете.

— Вдвоем. Я и работник. Хотели отодвинуть, чтобы проверить крепление стены. Нижняя левая опора попала на складку ковра. Рама пошла в сторону, я удержал верх, но внизу уперся коленом.

— Вы сами?

— Да.

Она подняла на него глаза.

— Мне говорили, перенос был обычный.

— Обычный и был. Ошибка тоже обычная.

— Вы не пытались выправить металл?

— Нет. Я умею перевозить вещи, но не все умею чинить.

Рудольф довольно хмыкнул.

— Запишите это, госпожа Арден. Редкое признание.

— Папа.

— Уже молчу.

Луиза расстелила бумагу на столе, поставила футляр, вынула мерную ленту. Мартен придерживал край, пока она снимала размеры. Он не хватал инструментов без спроса, не подсказывал, где начинать, и не пытался ускорить осмотр. Это ей понравилось больше, чем его готовность прислать экипаж.

Она посмотрела на панель сбоку. Цвет в рукаве был неравномерным: у запястья чуть плотнее, к локтю прозрачнее. Чтобы вернуть потерянное, понадобится не один лист. Возможно, придется сделать пробный световой лист, а для этого нужен будет образец старого стекла с целым краем.

— Я не смогу сегодня назвать точную цену, — сказала она. — И срок тоже. Сначала проверю оттенок на просвет. Если попадание будет плохим, внизу появится чужая заплатка.

— Сколько времени на проверку?

— Три дня.

— Хорошо.

— Это не обещание закончить за семь недель.

— Я услышал.

В дверях появилась Грета с подносом. Рудольф сразу забрал его у нее и поставил на стол, предварительно отодвинув бумаги. Луиза успела поймать край рулона.

— Простите, — сказал он. — Я с посудой осторожнее, чем с чертежами.

Грета подошла к своему изображению.

— Красиво, да?

— Очень, — призналась Луиза.

— Вот это и мешает. Если бы было безобразно, никто бы не спорил.

Мартен выпрямился.

— Мама, я не спорю с твоим правом не любить портрет. Я пытаюсь понять, почему ты говоришь об этом только сейчас.

— Я говорю третий год.

— Ты шутила.

— А как нужно было? Заплакать на семейном ужине?

Рудольф посмотрел на жену. Улыбка медленно ушла с его лица.

— Ты правда не хочешь выставки?

Грета помолчала.

— Я не хочу, чтобы мне устраивали праздник, на котором я должна снова быть двадцатитрехлетней. Ты помнишь, как я ненавидела это покрывало?

— Ты сказала, что оно тяжелое.

— Оно и было тяжелое. Но дело не только в весе.

— Мастер хотел законченный силуэт, — сказал Рудольф.

— А я хотела видеть, куда иду.

Луиза закрыла футляр. Не громко, но звук оказался очень отчетливым.

— Мне нужно зарисовать поврежденную часть с обратной стороны. Для этого придется переставить подставку. Господин Сарвель, можете?

Она обращалась к Мартену. Он посмотрел на нее, потом на родителей и кивнул.

Они отошли к окну. Грета и Рудольф остались возле стола. Теперь их слова звучали тише, и Луиза не вслушивалась. У старых супругов было право поговорить без приглашенного мастера в качестве судьи.

Мартен придерживал подставку, пока она снимала размеры металлической полосы.

— Вы намеренно отвлекли меня, — сказал он негромко.

— Мне действительно нужна подставка.

— Но не обязательно прямо сейчас.

Луиза провела карандашом короткую линию.

— Если они хотят поговорить, я предпочитаю заниматься стеклом.

Он посмотрел через ее плечо на панель.

— Я хотел сделать им хорошее.

— Это заметно.

— Обычно после таких слов добавляют что-нибудь неприятное.

— Я не знаю вашу семью достаточно хорошо для выводов.

Мартен помолчал. Потом подставка чуть качнулась; он сразу прижал ее ногой, не заставляя Луизу прерывать работу.

— Тогда начнем с того, что вы знаете, — сказал он. — Стекло можно сохранить?

Она повернулась к свету. Грета в изображении стояла неподвижно, но оттенок ее щеки медленно менялся: солнце вышло из-за края соседней крыши.

— Да, — сказала Луиза. — Его можно сохранить.

И, прежде чем он успел облегченно вздохнуть, добавила:

— Но это еще не ответ на вопрос, где ему висеть.

Глава 3. Цена оттенка

Первый образец оказался слишком желтым. Второй — слишком веселым.

Брида нахмурилась, когда Луиза употребила это слово.

— Веселым?

— Посмотри рядом с оригиналом.

На подоконнике стояли два небольших стекла. Старое, принесенное Гретой, светилося так, словно за ним было сентябрьское утро много лет назад. Новое горело ровным медовым цветом. Само по себе оно было красивым. Рядом со старым выглядело человеком, который слишком громко смеется в тихой комнате.

— Слишком ровно, — сказала Брида.

— Уже ближе.

— Но заказчик просит такой цвет. Мы же сняли его с образца.

— Мы сняли цвет. А нужно еще понять свет.

Луиза переставила новый кусок на другую сторону подоконника. По столу скользнул желтый прямоугольник. Старый осколок дал тень сложнее: прозрачную у края и более плотную в середине.

— Толщина? — спросила Брида.

— И она. Но не только.

Ученица потеряла запястье тыльной стороной ладони. На ее переднике было белое пятно, которого утром не было.

— Я, кажется, слишком рано закрыла ставню.

Луиза повернулась к ней.

— Во время охлаждения?

Брида кивнула.

— Начался дождь. Вода летела на пол, я подумала, что уже хватит. Стекло почти остыло.

— Почти — это сколько?

— Я не проверила.

В мастерской стало тихо. За стеной торговец корзинами громко предлагал кому-то корзину, в которую поместится даже плохое настроение. Брида смотрела на неудачный образец с такой ненавистью, будто он сам закрыл ставню.

Луиза заставила себя не отвечать сразу.

В сорок два года Луиза все еще помнила, как прятала испорченные пробы от своего первого мастера. Брида сейчас стояла перед ней с тем же испуганным лицом.

— Хорошо, что сказала, — произнесла она наконец.

— Хорошо было бы не делать.

— Это тоже.

Брида подняла глаза. Луиза улыбнулась.

— Но сделанного уже не отменить. Зато можно записать, почему не вышло, и не повторять. Новый образец сделаем вместе. Дождь отводят щитом, а не темнотой.

— Я потратила целую полосу.

— Полосу запишем в учебный расход.

— За мой счет?

— Нет. Я оставила тебе работу, которой ты еще не делала самостоятельно. Это и мой расход.

Брида выдохнула так заметно, что Луиза пожалела, что не сказала это минутой раньше.

Они убрали неудачное стекло на отдельную полку. Луиза не позволяла выбрасывать такие вещи сразу. Иногда через месяц в них обнаруживался оттенок, нужный для совсем другой

работы. Иногда не обнаруживалось ничего, кроме хорошего напоминания. И то и другое имело цену.

К полудню приехал Мартен. На этот раз без пальто, в сером жилете поверх темной рубашки. Он принес не документы, а узкую деревянную стойку.

— Для образцов, — объяснил он. — Вчера заметил, как вы подпираете их чашкой.

Луиза посмотрела на стойку. Пазы были гладко зачищены, основание достаточно широкое, чтобы его не опрокинули локтем. Простая, полезная вещь.

— Вы сами сделали?

— У нас в перевозочной мастерской есть обрезки. Я попросил оставить мне стол на полчаса.

— Спасибо.

Она сказала это без оговорок. Мартен заметно расслабился.

— Я опасался, вы скажете, что стойка не входит в договор.

— Стойка не входит. Но чашка действительно неудобна.

Он засмеялся. У него был низкий, негромкий смех, совсем не похожий на деловой голос, которым он говорил о сроках. Луиза поймала себя на том, что ей хочется услышать его еще раз, и тут же стала искать второй образец, хотя прекрасно знала, где он лежит.

Мартен не трогал стекла. Он встал чуть в стороне, позволив ей поставить оба в новую стойку.

— Этот ярче, — сказал он.

— Слишком.

— Я бы выбрал его, если бы не видел старого.

— Именно поэтому полезно видеть старое.

Он наклонился, посмотрел на тени на столе.

— Сколько таких попыток потребуется?

— Не знаю.

— Честный ответ мне уже знаком.

— Он не становится приятнее от повторения?

— Пока нет. Но я начинаю ему доверять.

Луиза почувствовала, как теплеют щеки, и отвернулась к бумагам. Не потому, что он сказал что-то особенно смелое. Просто доверие редко произносили в ее мастерской таким голосом — будто речь шла не только о качестве припоя.

Она разложила перед ним смету предварительных работ. Осмотр, снятие поврежденных частей, изготовление проб. Отдельной строкой — возможная поездка за старым листом, если здешние образцы не подойдут. Никакого изменения портрета, никакого обещания точного дня окончательной сдачи.

Мартен прочитал внимательно.

— Галерея просит описание состояния до вмешательства.

— Получит копию моего осмотра.

— И заключение о том, не изменится ли ценность.

— Я могу описать, что заменено и каким способом. Ценность определяет не только мастер.

— Агнес будет рада услышать это.

— Агнес?

— Фальк. Куратор малого зала. Она боится, что мы превратим старую работу в новенькое украшение для гостиной.

— Тогда у нас уже есть общее опасение.

Он подписал смету. Луиза поставила рядом свою подпись, промокнула чернила и только после этого спросила:

— Ваши родители поговорили?

Мартен убрал перо.

— Да. Но я не уверен, что понял результат.

— Результат не всегда появляется за один разговор.

— Отец сказал, что любит портрет. Мама сказала, что он любит себя рядом с ней на портрете. Потом они вместе выбирали яблоки для пирога. Я решил, что это хороший знак.

— Возможно.

— Вы очень осторожны.

— Я умею судить о трещинах в стекле. Люди сложнее.

Он хотел что-то ответить, но взгляд его остановился на большом листе у стены. Луиза узнала этот взгляд слишком поздно. Ее собственный рисунок стоял лицом в мастерскую: высокая створка, распахнутая не в пейзаж, а в несколько слоев света. Пока без фигуры, без истории, только попытка сделать видимым пространство между утром и вечером.

— Это для кого? — спросил Мартен.

— Ни для кого.

— Значит, ваше?

Она взяла со стола линейку и положила ее на место, хотя та никому не мешала.

— Проба.

— Мне нравится.

— Она еще не закончена.

— Я не сказал, что хочу ее купить.

Луиза посмотрела на него. Он произнес это спокойно, без обиды, и вдруг ей стало неловко за собственную оборону.

— Я редко делаю такое, — сказала она.

— Почему?

За перегородкой Брида как раз задвинула ящик. Раздался обычный деревянный стук, и Луиза с благодарностью ухватила за него.

— Работа, — ответила она. — Заказы. Нужно успевать.

Мартен кивнул. Он не стал задавать второй вопрос, хотя первый остался без настоящего ответа.

После его ухода Луиза подошла к рисунку. Открытая створка была неубедительной: слишком ровной, слишком правильной. В ней не чувствовалось руки человека, который решился ее открыть.

Она сняла лист со стены и положила на рабочий стол.

— Убирать? — спросила Брида, заглянув из-за перегородки.

— Нет. Пусть полежит.

И впервые за много дней Луиза оставила собственную работу там, где утром должна была начинать.

Глава 4. Свет после дождя

Галерея живого света была устроена так, чтобы человек сразу почувствовал себя недостаточно чистым.

На входе лежали светлые дорожки, у стен стояли белые скамьи, даже дверные ручки блестели с подозрительным усердием. Луиза остановилась на пороге и посмотрела на свои ботинки. С утра шел дождь. Она вытерла подошвы о решетку, потом о коврик, но ей все равно казалось, что за ней тянется след мастерской: пыль, мелкие стружки, запах нагретого металла.

— Здесь моют пол три раза в день, — сказал Мартен, заметив ее заминку. — Не принимайте это на свой счет.

— Я еще ничего не сказала.

— Вы посмотрели на ботинки так, словно готовы их снять.

— Я бы не стала. Чулки не выдержат сравнения с полом.

Он рассмеялся, и галерея сразу стала менее враждебной.

Агнес Фальк ждала их в малом зале. Невысокая женщина с короткими темными волосами и серебряной цепочкой для очков стояла возле пустой стены. На полу мелом был нарисован прямоугольник — место будущей подставки.

— Госпожа Арден, — сказала она, протягивая руку. — Я видела вашу работу в доме совета. Южное окно после прошлой зимы.

Луиза удивилась.

— Там заменено всего пять частей.

— Именно. Если бы я заметила шестую, мы бы сейчас говорили иначе.

Это была похвала в том виде, в каком Луиза лучше всего умела ее принимать: точная и относящаяся к делу.

Прежде чем сесть, Агнес провела их через соседний проход. Там уже висели небольшие работы будущей выставки: прозрачный мост, ветка с тремя плодами, лицо женщины, составленное из грубых плоских кусков. Луиза остановилась перед последним. Стекло было неровным, местами почти мутным, но лицо казалось живым.

— Новая работа? — спросила она.

— Прошлогодняя. Автору пятьдесят восемь.

Луиза посмотрела на подпись. Незнакомое имя.

— Он всегда работал с портретами?

— Он двадцать лет делал фонари для пристани. Потом принес сюда лицо жены. Первую работу мы не взяли.

— Почему?

— Потому что он пытался показать все, что о ней знает. И ничего нельзя было увидеть.

Луиза снова посмотрела на грубые куски. Здесь не было ни аккуратной гладкости, ни безошибочной симметрии, которыми она сама так дорожила. Зато была тяжелая прядь над ухом и едва заметное движение губ, будто женщина собиралась ответить, но еще решала, стоит ли.

Мартен стоял рядом.

— Вы смотрите так, словно спорите с ней.

— С собой, — ответила Луиза.

Агнес не стала спрашивать, о чем спор. Только подождала, пока Луиза сама отойдет от работы. Это терпение запомнилось ей: куратор берегла не только подлинники, но и время, за которое человек успевает что-то увидеть.

Они разложили рисунки на длинном столе. Агнес просмотрела размеры, наклонилась к отметкам повреждения, потом подняла очки на лоб.

— Вы считаете возможным сохранить исходную схему металла?

— Большую часть. Нижний участок придется разнять. Иначе новый лист будет зажат там, где раму уже повело.

— Исправление заметят?

— При близком осмотре — да. В общем свете — постараюсь, чтобы нет.

— Мне не нужно, чтобы вы скрывали работу от специалиста. Мне нужно, чтобы зрителю не предлагали новую вещь под видом старой.

— Тогда мы согласны.

Мартен стоял рядом, держа папку под мышкой. Он заметно оживился, когда женщины заговорили на одном языке.

— Есть еще вопрос о пожелании моей матери.

Агнес положила карандаш.

— Вы упомянули изменения, но не объяснили какие.

— Она хочет убрать свадебное покрывало. Возможно, изменить лицо. Сделать его... нынешним.

Куратор посмотрела на Луизу.

— Вы согласились?

— Нет. Я сказала, что это будет новое произведение внутри старой рамы, а не восстановление.

— Хорошо.

— Для сохранности хорошо, — возразил Мартен. — Для мамы пока не знаю.

Луиза посмотрела на него внимательнее. Еще вчера он говорил главным образом о сроке. Теперь впервые произнес имя человека, ради которого все затевалось, без раздраженного недоумения.

Агнес откинулась на спинку стула.

— Я не распоряжаюсь вашей матерью, господин Сарвель. И окном тоже. Если владельцы не хотят выставлять работу, они могут это сказать. Но если хотят выставлять именно «Утро Сарвелей», оно должно остаться тем произведением, которое мы приняли в программу.

— Уже отпечатаны приглашения.

— Да.

— Подготовлена подставка.

— И страховочный расчет. И схема света. Это расходы. Их можно обсудить. Нельзя обсуждать так, будто из-за приглашений ваша мать обязана радоваться.

Мартен медленно вынул папку из-под руки и положил на стол.

— Мне следовало сначала получить от нее точный ответ.

Агнес не смягчила это признание утешением.

— Да, — сказала она.

Луиза ждала, что Мартен начнет объяснять, как много работал и как трудно всем угодить. Но он молчал, глядя на собственную папку. Ей захотелось коснуться его руки.

Они договорились о двух вещах. Луиза продолжает исследовать возможность ремонта. Мартен отдельно выясняет, согласны ли оба владельца на показ в первоначальном виде. Ни одно решение не подменяет другое.

Когда они вышли, дождь почти закончился. На ступенях лежали отражения окон, разбитые мелкой рябью.

— Она бывает жесткой, — сказал Мартен.

— Она была точной.

— Вы любите точных людей?

Луиза посмотрела на него.

— В работе — очень.

— Хорошо, что уточнили.

Он сказал это легко, но ей показалось, что между ними на мгновение появилось что-то, не относящееся к стеклу. Луиза не успела придумать ответ: на нижней ступени скользнула нога. Мартен не схватил ее за плечо, а подставил ладонь. Она оперлась, восстановила равновесие и сразу отпустила.

— Благодарю.

— Ступень хуже пола.

— Зато честнее.

Они прошли к мостовой. Луиза собиралась идти обратно, но Мартен попросил подождать.

— Вы говорили о старом риденском листе. Я вспомнил человека, который мог сохранить такие стекла. Феликс Орн. Мы возили его работы лет восемь назад.

— Я знаю имя. Не знакома лично.

— Он живет в Ридене, на западной окраине. У него был запас, который он никому не продавал без длинного разговора.

— Тогда запас, возможно, до сих пор там.

Мартен улыбнулся.

— Я могу написать ему.

— Напишите, что речь не о покупке любого похожего цвета. Нужен лист с такой же глубиной и направлением света. И пусть скажет, готов ли он показать образцы. Я не хочу ехать ради обещания.

— Вы поедете сами?

— Если здесь не получится. Посылка не покажет мне, как стекло вело себя при изготовлении.

— Я тоже поеду. Заодно договорюсь об упаковке.

Она не ответила сразу. Он заметил.

— Это часть моего заказа, госпожа Арден. Я не собираюсь проверять ваши знания в дороге.

— Тогда договорились.

Мартен достал из папки маленький листок, записал имя и адрес. Почерк у него был быстрый, с короткими уверенными чертами. На последней строке перо оставило кляксу. Он нахмурился, а Луиза вдруг улыбнулась.

— Что?

— Ничего. Просто рада, что не все у вас получается ровно.

Он посмотрел на кляксу.

— Если это вас успокаивает, у меня еще плохо выходят длинные поздравления.

— Кажется, это мы уже установили.

Он сначала удивился, потом рассмеялся по-настоящему, откинув голову. Луиза почувствовала, что осмелилась на большее, чем обычно позволяла себе с новым заказчиком. Но сожаления не было.

Они разошлись у перекрестка. Через несколько шагов она обернулась, будто собиралась уточнить адрес. Мартен тоже смотрел назад.

Он поднял руку с папкой. Луиза ответила кивком и пошла дальше, сердясь на себя за улыбку, которая никак не хотела исчезать.

Глава 5. Открытая ставня

По вечерам мастерская становилась совсем другой.

Днем ее заполняли чужие окна, чужие сроки, голоса людей, которые хотели получить больше света за меньшие деньги. После закрытия она принадлежала Луизе. И тогда выяснялось, что Луиза не всегда знает, чем заполнить собственное пространство.

Наверху, над мастерской, у нее были две комнаты. В одной она спала, в другой ела и читала. На кухонной полке стояли четыре одинаковые чашки, хотя гостей она принимала редко. Чашки достались ей от тетки, и выбрасывать три только потому, что она жила одна, казалось смешным.

В тот вечер она сварила густой суп, отрезала хлеб и села у окна. На улице зажигали фонари. Их свет был обычным, теплым, без сохраненного утреннего оттенка. Не все в Левенбруке требовало работы мастеров. Иногда огню достаточно было просто гореть.

Луиза съела половину супа, потом спустилась за рисунком.

Открытая створка по-прежнему не убеждала ее. Витраж не должен был изображать предмет только потому, что тот удобно вписывается в раму. За окном нужна была жизнь. Не вид на горы, не условный сад. Что-то, ради чего его открывают.

Она попробовала нарисовать стол с двумя чашками и тут же зачеркнула. Слишком легко. Две чашки еще не означают близость. Иногда это просто лишняя посуда.

В дверь постучали.

На пороге стояла молодая женщина с короткой косой, темными глазами и большим свертком под мышкой.

— Простите, вы закрыты?

— Уже да. Но если стекло разбилось, говорите.

— Нет, это не стекло. Я Рина Сарвель. Отец сказал, вы иногда берете металлические оправы у мастера Хорна. Мне нужно понять, стоит ли проситься к нему в ученицы.

Луиза открыла дверь шире.

— Он сказал, что я знаю Хорна, или что я посоветую вам проситься?

Рина усмехнулась.

— Первое. Я бы проверила, если бы второе.

Рина поставила сверток не на свободный край, а на пол, заметив рядом мелкие стеклянные обрезки. Луиза оценила это и убрала обрезки в ящик прежде, чем попросила показать работу.

— Вы давно гравируете?

— Третий год. До этого училась счету у отцовского знакомого. Все говорили, что мне пригодится.

— Не пригодилось?

— Пригодилось. Теперь я могу сама понять, на сколько месяцев хватит денег, если меня возьмут за маленькое жалованье.

В ее голосе не было жалобы. Луиза улыбнулась.

— Это важное умение.

— Отец считает, что мне незачем соглашаться на маленькое жалованье. Он готов помогать. Я не против помощи. Но если он договорится с мастером сам, я буду все время думать, что меня держат из-за него.

Луиза хотела сказать что-нибудь утешительное и вдруг узнала собственную мысль. Только Рина произнесла ее в двадцать два, не прикрываясь срочными заказами и привычкой к своему городу.

— Скажите это отцу именно так.

— Я говорила. Он ответил, что я слишком гордая.

— А вы?

— Спросила, зачем он меня такой растил.

Луиза рассмеялась. Рина тоже улыбнулась, но потом добавила:

— Он хороший. Я не хочу, чтобы вы подумали... Просто он умеет сделать все быстрее, чем я успеваю решить.

Они сели за рабочим столом. Рина развернула сверток: три тонкие металлические пластины с гравировкой. На первой были листья, на второй — крыши, на третьей — человеческая ладонь. Луиза дольше всего смотрела на ладонь. Пальцы получились немного короткими, зато в сгибах чувствовалось движение.

— Хорн строгий, — сказала она. — И не любит, когда ученик рисует поверх ошибки так, будто ее нет. Но работу он знает. Если вам нужен человек, который будет хвалить каждую пластину, лучше не к нему.

— Мне нужен человек, который объяснит, почему у меня пальцы похожи на корни.

— Потому что здесь вы прорезали одинаковую глубину. А рука не везде напряжена одинаково.

Рина наклонилась над пластиной.

— Можно карандашом?

— Можно.

Через десять минут они обе забыли о закрытой двери. Луиза показала, как свет на металле помогает увидеть ошибку, а Рина неожиданно заметила на рисунке Луизы то, на что сама мастерица старалась не смотреть.

— У вас окно открыто, но за ним никого нет.

— Я еще думаю.

— Может, оно открыто для того, кто с этой стороны?

Луиза подняла голову.

Рина смутилась.

— Я не учу. Просто увидела.

— Это полезнее, чем учить.

На лестнице послышались шаги — Брида вернулась за забытым шарфом. Она познакомилась с Риной, посмотрела пластины и тут же спросила, можно ли сделать такую гравировку для круглой рамы. Разговор ушел в металлические полосы и изгибы. Луиза налила воды в чайник.

Когда за окном показался Мартен, в мастерской уже горел свет и пахло поджаренным хлебом. Он постучал костяшками в стекло. Рина махнула ему, но к двери не пошла.

— Ты обещала быть дома к восьми, — сказал он, войдя.

— Я обещала зайти к бабушке после мастерской. Сейчас без четверти.

Он посмотрел на часы.

— Верно.

— Я решила подать работу Хорну.

— Я могу поговорить с...

Мартен остановился. Рина молча ждала. Луиза, стоявшая у чайника, вдруг очень заинтересовалась крышкой.

— Нет, — сказал он, выдохнув. — Ты можешь поговорить сама. Если захочешь, я помогу довести работы.

— Вот это пригодится.

Рина улыбнулась ему без победного торжества. Просто приняла нужную помощь.

Мартен снял пальто и повесил на крючок у двери. Луиза заметила, что он сначала посмотрел, не висит ли там мокрая ткань. Ей нравились такие мелочи. Они не требовали слов, но говорили о человеке больше, чем обещание быть внимательным.

— Я ненадолго, — сказал он.

— У нас суп, — неожиданно для себя ответила Луиза. — Осталось достаточно.

Она не приглашала его одного. Рина и Брида еще сидели за столом. Но все равно почувствовала, что совершила маленькое, ничем не оправданное действие. Можно было дать ему чай и дожидаться, пока дочь соберется. Можно было сказать, что пора закрывать.

Она принесла суп.

Они ели за рабочим столом, предварительно убрав пластины и рисунки. Брида рассказывала, как однажды перепутала заказ на шесть круглых стекол с шестью стеклянными кругами для детской игры. Рина смеялась, Мартен спрашивал о разнице, и Луиза впервые за долгое время не считала минуты до того, как снова останется одна.

Потом молодые женщины ушли вместе: Брида хотела проводить Рину до поворота и заодно посмотреть, где находится мастерская Хорна. Мартен задержался, помогая убрать чашки.

— Я не знал, что Рина придет сюда сегодня, — сказал он.

— Она не нуждается в особом объяснении своего прихода.

— Я понимаю. Просто не хотел, чтобы вы решили, будто я отправляю к вам всю семью по очереди.

Луиза посмотрела на четыре чашки.

— Пока чашек хватило.

Он улыбнулся, но потом стал серьезнее.

— Спасибо за разговор с ней. Последние месяцы я все пытался подобрать ей хорошее место. А она, оказывается, искала не место, а человека, у которого сможет учиться.

— Иногда это одно и то же. Иногда нет.

— Вы снова осторожны.

— Нет. Сейчас я просто сыта и не хочу произносить больших истин.

Мартен рассмеялся. Луиза поставила чашку на полку и вдруг поняла, что ей не хочется, чтобы он уходил немедленно. Не хотелось и придумывать повод задержать.

Она подошла к окну и открыла верхнюю створку. В комнату вошел прохладный вечерний воздух.

— Здесь жарко, — сказала она.

— Да.

Они постояли рядом, глядя на пустеющую улицу. Мартен не пытался заполнить паузу. И это оказалось самым приятным за весь вечер.

Глава 6. Дорога в Риден

Феликс Орн ответил через три дня. Письмо было коротким: старое стекло есть, продавать по описанию он не станет, приезжать лучше до пятницы, потому что в субботу он уедет к сестре и никакой юбилей чужой семьи не заставит его изменить обещание.

Внизу было приписано: «Образец привезите. И не упаковывайте в вату, она цепляется за старую оправу».

Луизе письмо понравилось.

Мартен прочитал его дважды.

— Я помнил его более сговорчивым.

— Возможно, вы тогда меньше просили.

— Возможно.

Они выехали в четверг утром. Не в нарядной городской карете Сарвелей, а в небольшом дорожном экипаже с широким задним ящиком для груза. Мартен объяснил, что обратно могут понадобиться подставки для стекол. Луиза одобрила выбор и забралась внутрь, придерживая футляр обеими руками.

Он предложил убрать его в ящик.

— Пока пусть будет у меня.

— Там надежные крепления.

— Я знаю. Но в нем осколок чужого локтя.

Мартен посмотрел на нее, понял и улыбнулся.

Дорога к Ридену шла через невысокие холмы. Осень здесь была еще зеленой внизу и уже золотой на открытых склонах. В придорожных садах собирали поздние груши. Луиза смотрела на людей с корзинами и ловила себя на том, что давно не видела утро вне своего окна.

Мартен вынул из папки расписание.

— На первом дворе остановимся через час. Потом еще два часа до Ридена. Если не задерживаться, к полудню успеем к Орну.

— А если задерживаться?

— Тогда позже.

— Я спрашиваю потому, что у второго моста есть старая стекольная. От нее осталась только печь. Мне хотелось бы посмотреть.

Он опустил лист.

— Мы можем остановиться на обратном пути.

— Если будет свет.

— Мы вернемся засветло.

— Если мастер сразу найдет нужный лист.

Мартен задумался. Луиза почти увидела, как он переставляет в уме часы и расстояния.

— Хорошо. Двадцать минут.

— Не надо выдавать мне время, как материал со склада.

Он посмотрел на нее с удивлением, потом убрал расписание.

— Хорошо, — повторил он. — Остановимся. Сколько потребуется.

— Не сердитесь.

— Я не сержусь. Я пытаюсь понять, как путешествуют люди, которым интересны старые печи.

— Медленно.

— Это я уже начинаю подозревать.

У развалин стекольной они провели почти полчаса. Луиза не нашла ничего полезного для заказа, зато увидела, как старая кладка держала жар: темные участки в глубине, светлые у

выхода, узкий канал, через который воздух подавался сбоку. Мартен стоял рядом, не торопил, но явно не понимал, зачем ей разглядывать кирпичи.

Она присела возле нижнего отверстия.

— Видите? Здесь можно было отводить поток, не меняя общий жар. Сейчас такое делают заслонкой.

— А тогда?

— Скорее всего, поворачивали каменную плиту. Вот борозда.

Он присел рядом, провел пальцем над следом, не касаясь.

— Значит, человек должен был стоять здесь все время?

— Наверное.

— Не самое удобное место.

— Поэтому и придумали заслонку.

Мартен посмотрел на нее.

— Вам нравится, когда люди находят способ меньше мучиться.

Луиза выпрямилась.

— Мне нравится, когда это называют работой, а не ленью.

Дальше они ехали разговорчивее. Мартен рассказал о первом своем перевозочном заказе: огромная скульптура оказалась шире дверей нового дома, а хозяин уверял, что мерил все лично. Пришлось разбирать дверную раму. Луиза вспомнила заказчицу, требовавшую синее стекло, которое при этом не делало бы комнату синей.

— Вы объяснили?

— Я показала ей прозрачное.

— И?

— Она сказала, что я не умею мечтать.

Мартен засмеялся так, что возница обернулся.

Перед первым двором дорогу перекрыла чужая повозка. С нее съехал тюк с тканью, и двое людей пытались поднять его обратно, мешая друг другу. Возница Мартена остановился и спросил, объезжать ли по обочине. Там было мягко после дождей.

— Подождем, — сказал Мартен.

Луиза ожидала, что он сразу пойдет руководить. Но он сначала посмотрел, как действуют хозяева повозки. Потом вышел и спросил, нужна ли лишняя пара рук. Только после ответа подошел к тюку.

Она осталась у дверцы, удерживая футляр. Один из работников протянул ей свободный конец веревки, даже не спросив. Луиза не смогла взять его, не отпуская коробку.

— Подождите. У меня стекло.

Мартен сразу обернулся.

— Дайте сюда. Госпожа Арден, просто скажите, если край начнет задевать колесо.

Она кивнула. Они подняли тюк не сразу. Пришлось повернуть его, освободить зажатый ремень и подложить доску. Луиза следила за колесом и дважды просила остановиться. Никто не спорил, что она мешает. В экипаж она вернулась довольная, хотя пальцы устали держать футляр.

В экипаже Мартен вытирал руки платком.

— Мы потеряли еще четверть часа, — сказала она.

— Не потеряли. Потратили.

— У вас есть разница?

— Когда я сам решил — есть.

Луиза посмотрела на него с новым интересом. Кажется, его любовь к расписанию не означала, что он не умеет от него отступать. Ему просто нужно было знать, ради чего.

На первом дворе они купили хлеб, сыр и яблоки. Мартен хотел заказать горячий обед, но Луиза увидела, как у ворот разгружают длинный ящик. Один угол был поставлен прямо в лужу.

— Там стекло? — спросила она у работника.

— Зеркала.

— Тогда подложите доску. Вода пройдет через нижний шов.

Работник пожал плечами. Мартен уже подошел к ящику.

— Подержите с той стороны, — сказал он. — Я приподниму.

Луиза принесла сухую дощечку от стены. Вдвоем с работником Мартен поднял угол ровно настолько, чтобы она могла подложить опору. Вода стекала с нижнего шва на подложенную доску.

Когда он вернулся, на рукаве у него была грязь.

— Теперь горячий обед будет выглядеть заслуженным, — сказала Луиза.

— Вы сами начали.

— Я только попросила доску.

— А я только поднял ящик.

Они посмотрели друг на друга и вдруг одновременно улыбнулись.

В Риден они приехали позже полудня. Феликс встретил их у ворот мастерской с таким видом, словно видел из окна каждую минуту опоздания. Он был сухощавый, с длинными пальцами и короткой седой бородой. На переднике висели две разные линейки.

— Сарвель, — сказал он. — Все еще возите чужую красоту?

— Иногда разбиваю свою.

Феликс поднял брови.

— По крайней мере, не лжете. А вы, должно быть, мастер Арден.

Луиза протянула футляр.

— Привезла образец.

Он открыл, посмотрел, потом поднял осколок к свету.

— Хороший лист. Теперь таких почти не просят. Всем хочется, чтобы ярко сразу.

— Мне нужно, чтобы верно, — сказала Луиза.

Феликс впервые посмотрел на нее с интересом.

— Тогда заходите. И не обещаю, что сегодня уедете.

Мартен, стоявший позади, тихо вздохнул. Луиза не обернулась, но услышала, как он складывает расписание вчетверо.

Глава 7. Стекло, которое помнит только свет

У Феликса Орна стекло хранилось не по цветам.

Луиза сначала решила, что не поняла порядок. На одной полке соседствовали синий, бледно-зеленый и почти бесцветный листы, на другой — медовый и серый. Но когда Феликс снял две узкие полосы и поставил рядом, стало ясно: он собирал их по свету.

Оба образца дали на столе одинаковую мягкую тень, хотя сами были разными.

— Северное утро, — сказал он. — Одно облачное, другое ясное. Но воздух один.

— Вы помечаете погоду?

— А как иначе помнить, что делал двадцать лет назад?

Луиза провела взглядом по маленьким ярлыкам. Дата, место, сторона окна, короткое слово о небе. Никаких таинственных названий, никаких обещаний поймать человеческое счастье в стекло. Только терпеливое наблюдение.

Она почувствовала знакомую смесь восхищения и досады. Так бывает, когда видишь способ, до которого могла бы догадаться сама, но не догадалась.

Феликс взял осколок Греты.

— Этот охлаждали при восточном свете. Но под навесом. Видите тонкую серость с обратной стороны?

Луиза наклонилась.

— Я думала, это след времени.

— Время не умеет делать все за нас.

Он не произнес это насмешливо. Просто положил факт на стол, как инструмент.

Мартен стоял у двери, осматривая высокие стойки.

— Если найдем лист, как лучше его везти?

— Вертикально, с мягкой прокладкой по краям. Не обнимать деревом, как заключенного.

— Значит, распорные рамки.

— Если у вас есть умный столяр.

— Сегодня буду им я.

Феликс показал на соседнее помещение. Там стоял верстак и лежали сухие рейки. Мартен снял жилет, аккуратно сложил его на полке и принялся мерить будущую рамку. Луиза осталась у света.

Первый старый лист оказался слишком толстым. Второй подходил по поверхности, но тень в нем уходила в рыжину. Третий Феликс вынес из отдельного шкафа и долго держал перед собой, прежде чем позволить ей взять край.

— Вот этот, возможно.

Луиза приложила осколок. Сердце у нее забилося чаще. Здесь был тот самый тихий оттенок, который не хотел получаться в мастерской.

— Да.

Феликс покачал головой.

— Не спешите. Поверните.

Она повернула лист. Цвет потемнел слишком резко.

— Направление другое, — сказала она.

— Именно.

— Можно поставить его иначе в рисунке.

— Можно. Только тогда свет на рукаве пойдет поперек, а на лице останется вдоль.

Луиза прикусила губу. Восстановленная часть была маленькой. Большинство зрителей ничего бы не заметило. Но она заметила бы каждый раз, когда проходила мимо.

— Нужен новый лист, — сказала она.

— На старой основе. Небольшой. Я дам вам материал, а вы попробуете задать свет сами. Она посмотрела на него.

— Здесь?

— Ваше окно в Левенбруке выходит куда?

— На юго-восток.

— Подойдет не совсем. Здесь старый навес еще стоит. Если хотите точность, придется задержаться.

Мартен вошел с рейкой в руках.

— Насколько?

— До завтрашнего дня. Может, дольше, если ваша мастерица станет спорить со светом. Луиза выпрямилась.

— Я не спорю.

Феликс указал на лист.

— Пять минут назад собирались повернуть его поперек только потому, что очень хотелось закончить.

Ей стало жарко. Мартен отвел взгляд, деликатно рассматривая рейку, но от этого неловкость не уменьшилась.

— Вы правы, — сказала она.

Слова дались труднее, чем она ожидала. В своей мастерской она чаще была человеком, который знает ответ. Здесь ей снова приходилось учиться.

Феликс кивнул.

— Тогда завтра утром попробуем.

Феликс дал ей маленькую старую пластину и попросил определить, где она лежала при охлаждении. Луиза повернула ее к окну, посмотрела на край, потом назвала южную сторону.

— Западную, — ответил он.

Она снова посмотрела.

— Но тень слишком короткая.

— Потому что окно было низкое, а перед ним белая стена.

Луиза записала поправку. Феликс заметил, как резко она прижала карандаш.

— Вы не на экзамене.

— Иногда кажется, что везде на нем.

— Тогда вы плохо отдыхаете.

Она усмехнулась.

— А вы?

— Я уезжаю к сестре в субботу, помните? Там никто не спрашивает, почему стекло зеленое. Спрашивают, почему я не привез груш.

Луиза почувствовала, как напряжение немного отпускает. Она попросила еще одну пластину. На этот раз не стала угадывать сразу: осмотрела обратную сторону, поставила рядом белый лист, спросила, было ли рядом дерево. Феликс ответил. Она назвала сторону верно, но ошиблась в часе.

— Уже лучше, — сказал он. — Вы начали спрашивать о том, чего не видите.

Мартен услышал последнюю фразу из соседней комнаты.

— Это полезно не только со стеклом.

— Не подслушивайте обучение, — отозвалась Луиза.

— Я считаю это дополнительной услугой к рамке.

Она впервые за день рассмеялась легко. Ошибка перестала казаться доказательством того, что ей не следовало приезжать.

До вечера они готовили основу и проверяли место у навеса. Луиза записывала каждую мелочь: высоту подставки, расстояние до края крыши, направление просвета. Феликс предостерег ее от слепого повторения записей.

— Завтра небо будет другим.

— Тогда зачем записывать?

— Чтобы понимать, что именно придется изменить.

Мартен закончил две распорные рамки. Первая была чуть тяжелее, чем нужно, вторая получилась удачнее. Он не стал прятать первую за верстак.

— Эту оставлю для грубых проб, — сказал он. — В дорогу возьмем вторую.

Луиза провела рукой по гладко зачищенному краю.

— Хорошо сделано.

— Не говорите так при Орне. Он найдет, что исправить.

— Уже нашел, — отозвался Феликс из соседней комнаты. — Но держать будет.

Мартен тихо засмеялся. Луиза посмотрела на него и вдруг поняла, что ей легче пережить собственную ошибку, когда рядом человек, который не делает вид, будто сам всегда безупречен.

Они вышли из мастерской поздно. Небо было ясным, и длинные тени домов лежали поперек улицы. Мартен предложил зайти в небольшую гостиницу у площади. Он уже успел узнать, что там есть две свободные комнаты.

— Вы все предусмотрели? — спросила Луиза.

— Только ночлег. С погодой у меня отношения хуже.

— Сегодня у всех.

У дверей гостиницы он остановился.

— Вы сильно расстроились?

Она могла ответить о сроках, о цене, о редком материале. Вместо этого сказала:

— Мне не нравится, когда я сама себя ловлю на желании сделать кое-как.

Мартен подумал.

— Но вы ведь не сделали.

— Потому что меня остановили.

— А потом вы согласились. Это тоже ваша работа.

Луиза посмотрела на освещенные окна гостиницы. Она не ожидала, что простой ответ так облегчит вечер.

— Вы умеете утешать без обещаний, — сказала она.

— Не всегда. Сегодня получилось случайно.

— Пусть пока так.

Глава 8. Не по расписанию

Комнаты оказались на разных концах коридора. Луиза поставила футляр на стол, открыла окно и несколько минут слушала чужой город.

В Левенбруке она знала вечерние звуки по порядку: закрывается лавка корзин, ругается извозчик у поворота, Брида смеется с соседской девушкой, если задержалась после работы. Здесь все было незнакомым. Где-то играли на струнном инструменте, на площади звенела посуда, у ворот спорили о цене дров.

Она умылась, сменила дорожную блузу и вдруг долго выбирала, как убрать волосы. Для ужина с заказчиком это было нелепо. Для ужина с Мартеном — уже не совсем.

Внизу он ждал возле стойки, разговаривая с хозяином. На нем была та же рубашка, только рукава теперь застегнуты. Увидев ее, он прервал фразу, но не так, словно хотел произвести впечатление. Просто обрадовался.

— Здесь готовят речную рыбу. Или пирог с капустой.

— Пирог.

— Я тоже выбрал пирог. Хозяин считает нас людьми без воображения.

Они сели у окна. Луиза заметила, что Мартен не стал выбирать место во главе стола. Сдвинул стул так, чтобы обоим было видно площадь, и подождал, пока она сядет.

Ужин оказался простым и хорошим. Корочка пирога хрустела, капуста была сладкой от долгого томления. Мартен сначала говорил о завтрашнем утре, потом сам остановился.

— Мы можем хотя бы за едой не обсуждать стекло?

— Можем попробовать.

— Тогда расскажите, что вы любите, кроме работы.

Луиза рассмеялась.

— Это звучит как вопрос на приеме в гильдию. «Назовите три занятия, которые делают вас пригодной к человеческой жизни».

— Я могу начать.

— Начните.

— Люблю ранние ярмарки, когда еще ничего не продано. Люблю чинить деревянные ящики, хотя это не самое возвышенное увлечение. И люблю, когда Рина рассказывает мне то, чего я не понимаю, не пытаюсь сразу объяснить попроще.

Луиза посмотрела на него поверх чашки.

— Последнее — хорошее.

— Теперь вы.

Она задумалась.

— Люблю дома, в которых видно, как живут люди. Не беспорядок. Следы. Потертость на перилах, зарубку на кухонной двери, полку, прибитую не там, где красиво, а там, где нужна. Люблю читать письма тетки. Она жила в трех городах и в каждом писала, что останется навсегда. И люблю идти куда-нибудь, если никто не спрашивает, во сколько я вернусь.

Мартен поднял руки.

— Утреннее расписание отменяется.

— Нет, завтра нам нужен свет вовремя.

— Значит, свобода у вас строго по погоде.

— Как у всех стекольщиков.

После ужина они вышли на площадь. У торговых рядов уже снимали навесы. Мартен предложил пройти вдоль канала, но Луиза показала на переулок, где между домами была видна высокая арка.

— Я хочу туда.

— Почему?

— Не знаю.

Он посмотрел на нее и пошел рядом.

Арка оказалась входом в старый двор. Посреди росло большое дерево с низкими ветвями. На одной висели три деревянных кольца — детская игра, забытая до утра. Луиза попробовала дотянуться до нижнего, но оно ушло в сторону.

Мартен снял его и протянул ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.